

18+

Дмитрий Русов / Nexx

Там, где
ТИШИНА
становится
ДОМОМ

История Дмитрия Русова и Ксюши Русовой

Том III

Дмитрий Русов

**Там, где тишина становится
домом. Том III. История Дмитрия
Русова и Ксюши Русовой**

«Издательские решения»

Русов Д. Я.

Там, где тишина становится домом. Том III. История Дмитрия Русова и Ксюши Русовой / Д. Я. Русов — «Издательские решения»,

Дмитрий и Ксюша живут вместе и работают вместе — пишут музыку. Пока сестра Дмитрия решает, что им пора пожениться, Ксюше приходит предложение сольного контракта, и она три недели молчит о нём, боясь, что разговор отнимет у неё право решать самой. Третий том истории Дмитрия Русова и Ксюши Русовой — о том, как двое учатся быть семьёй, не переставая быть собой.

© Русов Д. Я.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Звонок	6
Глава 1. Ураган в субботу	8
Глава 2. Нонна	12
Глава 3. Кухня на троих	18
Глава 4. Студия	24
Глава 5. Письмо	29
Глава 6. Молчание	34
Глава 7. Признание	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Там, где тишина становится домом. Том III История Дмитрия Русова и Ксюши Русовой

Дмитрий Яковлевич Русов

© Дмитрий Яковлевич Русов, 2026

ISBN 978-5-0071-2963-3 (т. 3)

ISBN 978-5-0071-0033-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Звонок

Телефон зазвонил в среду, в половине девятого вечера. Дмитрий вздрогнул и только тогда понял, что давно отвык от обычных «живых» звонков.

Теперь почти никто не набирал его номер для обычной беседы, а в такое время ему, как правило, звонили из студии: кто-то не успевал к сроку, путал версию файла или внезапно вспоминал о «срочном» вопросе, который спокойно мог подождать и до утра. Всё остальное приходило сообщениями в мессенджерах. Телефон давно стал рабочим инструментом, утратив функцию связывать людей для душевных разговоров.

Перед тем как посмотреть на экран, Дмитрий всегда медлил секунду. Привычка осталась с тех лет, когда поздний звонок мог изменить очень многое.

На экране высветилось «Нонна».

Он выдохнул раньше, чем осознал, что задержал дыхание.

Телефон продолжал вибрировать у него в ладони. На кухне щёлкнула вытяжка, за стеной стихла вода. Нонна звонила редко, вместо этого она могла прислать фотографию утреннего неба, спросить, ел ли он, или оставить сорокасекундное голосовое с новостями за месяц. Если же набирала сама, то только для того, чтобы поставить его перед фактом принятого решения.

Дмитрий провёл большим пальцем по экрану и ответил.

— Слушаю.

— Я прилетаю в субботу.

Не «привет». Не «как ты». Сестра никогда не тратила слова на то, что обычные люди могли назвать «простой вежливостью».

— В субботу — это как-то внезапно.

— Внезапно — это когда без предупреждения. Я предупреждаю.

— За три дня.

— Достаточно.

Дмитрий невольно улыбнулся. По смягчившемуся голосу Нонны было ясно: она это услышала.

— Надолго?

— Пока не разберусь.

— С чем разберёшься?

Нонна замолчала. Ответ у неё был — Дмитрий слишком хорошо знал эту паузу, но говорить она, конечно же, не собиралась. Пока.

— Увидимся, — сказала она вместо ответа. — Целую.

— Подожди. Тебя встретить?

— Я умею ориентироваться в аэропорту и вызывать такси. Даже в другом городе.

— Я не сомневался.

— Тогда не предлагай то, в чём я не нуждаюсь. Адрес тот же?

— Тот же.

— Хорошо. И диван не разбирай заранее. Я не фарфоровая.

— Нонна...

— Всё в субботу, Дим.

Гудки.

Дмитрий ещё несколько секунд держал телефон у уха. За окном горел вечерний город — фонари, машины, вывески и дома. Тысячи многоэтажек, светящихся в темноте наподобие новогодних ёлок, подсвечивали масштабность мегаполиса и незначительность каждой отдельной человеческой жизни.

Но не ему.

В стекле отражалась комната: раскрытый ноутбук, две кружки, Ксюшина тетрадь с карандашом между страницами. Когда-то лишняя чашка означала лишь, что в доме задержался кто-то чужой. Теперь же вторая кружка стала символом жизни вместе с кем-то дорогим и нужным.

С Нонной было иначе. Она была родной, но оставалась лишь временной гостьей. В чужом доме она сразу проверяла замки, холодильник и всё, что, по её мнению, могло навредить близким. Заботилась она распоряжениями, недовольным взглядом на пустую полку или внезапно купленным билетом.

За столько лет он так и не научился угадывать, зачем приезжает Нонна. Объяснения она давала потом, когда спорить с причиной было уже поздно.

Глава 1. Ураган в субботу

В соседней комнате что-то напевала Ксюша, не замечая, что мелодия давно превратилась в его собственную, ту, что он написал для неё много вечеров назад. Он послушал немного, прежде чем окликнуть.

— Ксюш.

— М?

— В субботу к нам едет ураган.

Ксюша появилась в дверях, вытирая руки полотенцем. По его лицу она пыталась понять, шутит он или предупреждает.

— Какой ещё ураган?

— Моя сестра.

— Ты никогда мне толком не рассказывал про неё.

— Потому что про неё нельзя рассказать толком. Её нужно пережить.

Ксюша улыбнулась, но осталась в дверях.

— Она старше тебя?

— Нет. Просто ведёт себя так, будто старше всех.

— Вы близки?

Он посмотрел на телефон, тёмный экран ему не ответил.

— Мы можем месяцами почти не разговаривать. А потом она звонит и по первому слову понимает, вру я, что всё нормально, или нет. Наверное, это и называется близостью. Только у нас она без ежедневных отчётов.

— А почему ты назвал её ураганом?

— Потому что после неё вроде всё и остаётся на месте, но почему-то уже стоит правильнее. По крайней мере, по её мнению.

По Ксюшину взгляду он понял, что этого объяснения недостаточно. Дмитрий помолчал.

— Потом расскажу. Сначала предупрежу об одной вещи.

— Какой?

— Что бы она ни сказала в первые пять минут — не спорь. Просто послушай.

Ксюша нахмурилась, однако расспрашивать не стала.

Она вернулась на кухню, а Дмитрий ещё некоторое время стоял у окна. Потом всё же пошёл за ней. На плите доходил соус, рядом лежали нарезанные овощи, и Ксюша, снова включив воду, спросила уже через плечо:

— Что она любит на завтрак?

— Крепкий чай. И чтобы никто не суетился вокруг неё.

— После твоего предупреждения это звучит подозрительно просто.

— Она сама сделает всё остальное.

Ксюша протянула ему полотенце.

— Тогда в пятницу купим чай. И ты всё-таки разберёшь диван.

— Она велела не разбирать.

— Значит, разберём и сложим обратно, чтобы проверить, что механизм работает.

Дмитрий посмотрел на неё с благодарностью. Она услышала в его голосе и тепло, и настороженность, но расспрашивать не стала. Вместо этого сосредоточилась на текущих задачах: диване и чае.

За ужином они ещё несколько раз возвращались к субботе. Ксюша хотела понять, стоит ли освобождать шкаф, нужно ли менять рабочий график, не мешает ли Нонне их обычный домашний ритм. Дмитрий отвечал честно: не знает. Сестра могла приехать на два дня и

остаться на две недели; могла привезти одну рубашку и три банки своего чая; могла весь первый вечер молчать, а утром переставить половину кухни.

— Только лампаду она не тронет, — сказал он.

— Почему ты так уверен?

— Потому что знает, что это не вещь, которую переставляют для удобства.

Ксюша кивнула. Этого ей было достаточно.

На металлическом подносе у стены горела старая латунная лампада. После осеннего камерного выступления они стали чаще доставать её из шкафа в общие вечера. Уровень масла Ксюша проверила и поправила ещё до того, как поднесла спичку. Теперь все пять фитилей горели ровно, и трогать чашу не было причины.

Для гостей лампаду не зажигали. Она принадлежала дому: пять огней напоминали о пяти формах любви, а Тишине отдельное пламя не требовалось.

За окном темнело быстро, по-осеннему. Где-то в другом городе Нонна уже, вероятно, собирала чемодан. Поместятся ли вещи и закроется ли молния, её обычно не беспокоило.

В четверг Нонна прислала одно сообщение: номер рейса. В пятницу — фотографию чемодана, раскрытого на кровати, и подпись: «Места полно». На снимке вещи поднимались над краями так высоко, что закрыть молнию без посторонней помощи казалось невозможным.

Дмитрий показал фотографию Ксюше.

— Она шутит?

— Нет. Для неё это действительно полно места.

За чаем они пошли после работы. Дмитрий уверял, что подойдёт любой крепкий чёрный, но у полки остановился и начал читать мелкий шрифт на коробках.

— Любой? — спросила Ксюша.

— Кроме ароматизированного.

— То есть уже не любой.

— И не в пакетиках.

— Продолжай. Я записываю условия гостеприимства.

Он взял одну пачку, понюхал через картон и вернул. Вторая показалась слишком мелкой заварки. Третью Нонна когда-то назвала «крашеной водой», хотя Дмитрий не помнил, при каких обстоятельствах и зачем вообще пытался угостить её именно этим сортом.

— Может, спросить у неё? — предложила Ксюша.

— Тогда она привезёт свой.

— И что в этом плохого?

— Я хочу хотя бы чай выбрать сам.

Ксюша посмотрела на него внимательнее. Чай был лишь предлогом. За три дня до приезда сестры Дмитрий стоял перед магазинной полкой и пытался хотя бы правильно выбрать для неё чай. Он надеялся, что тогда встреча начнётся спокойнее.

Она не стала говорить об этом вслух. Сняла с верхней полки жестяную банку с крупным листом и передала Дмитрию.

— Эту?

Он прочитал состав, повертел банку и положил в корзину.

— Эту она хотя бы сможет раскритиковать предметно.

У кассы Ксюша добавила печенье. Дмитрий хотел предупредить, что Нонна почти не ест сладкое, но вспомнил, как сестра однажды за вечер уничтожила половину подаренной коробки, продолжая утверждать ровно обратное.

— Бери две, — сказал он.

— Вот теперь я начинаю бояться.

На улице моросило. Дмитрий спрятал банку с чаем под куртку, хотя пакет не промок бы за пять минут до машины. Ксюша заметила, как осторожно он несёт покупку, но снова ничего не спросила.

В пятницу вечером они проверили диван, освободили одну полку и положили чистое полотенце на спинку стула. Дмитрий дважды переставлял чашки, хотя обычно не замечал, как они стоят. Ксюша не комментировала. Она лишь однажды подошла сзади, обняла его за пояс и прижалась щекой между лопаток.

— Ты рад, что она едет?

Он накрыл её руки своими.

— Да.

— И тревожишься?

— Да.

— Хорошо. Значит, я ничего не перепутала.

Он повернулся к ней.

— Если сестры станет слишком много, скажи мне. Не ей — мне.

— А ты скажешь ей?

— Скажу. Возможно, она даже услышит с первого раза.

— Ты сейчас снова пытаешься меня успокоить?

— Нет. Предупреждаю честно.

Ксюша рассмеялась. Дмитрий наконец разжал плечи.

В ту ночь Дмитрий всё-таки открыл шкаф в комнате с диваном и проверил освобождённую полку. Там оставались старый плед, коробка с кабелями и несколько нотных тетрадей, которые он давно собирался перенести в кабинет. Он сложил кабели в коробку плотнее, взял тетради и обнаружил между ними лист с ранним текстом песни. На полях Нонниным почерком было написано: «Здесь не ври».

Он помнил тот вечер: дешёвый микрофон, кухня в прежней квартире, первый черновик. Нонна не позволила спрятать слабую строчку за красивой мелодией. Она слушала его песни задолго до каталогов, публикаций и разговоров о звуке. И помнила каждую попытку Дмитрия казаться увереннее, чем он был.

Ксюша нашла его в дверях комнаты.

— Передумал не разбирать диван?

— Убираю отсюда старые тетради и кабели.

Она увидела лист в его руке, но не попросила показать.

— Тетрадь можешь оставить в кабинете, — сказала Ксюша. — Она всё равно твоя.

Дмитрий положил тетрадь поверх коробки, не пряча на дно. Утром он перенесёт её в кабинет вместе с кабелями. Полка освободилась, а лист остался под рукой.

Утром в субботу он проснулся за несколько минут до будильника. Ксюша уже была на кухне и резала хлеб, стараясь не шуметь. На столе стояла третья чашка — пока пустая.

— Она ещё даже не вылетела, — сказал Дмитрий.

— Зато чашка уже на месте.

Он проверил сообщение о рейсе. Вылет без задержки. Хотел написать Нонне, чтобы позвонила после посадки, но вспомнил, что она сама прислала номер и наверняка сообщит, если что-то изменится.

— Ты опять ждёшь плохих новостей? — спросила Ксюша.

— Скорее пытаюсь заранее прожить все варианты.

— Получается?

— Ни разу.

Она подвинула ему хлеб. Дмитрий сел и впервые за три дня не переставил чашки. Третья стояла напротив — пустая, готовая к приезду ещё одного близкого человека.

Перед выходом они проверили комнату вместе. Диван раскладывался, окно закрывалось, чистое полотенце лежало на стуле. Ксюша оставила полку пустой. Дмитрий хотел положить туда запасной плед, но остановился.

— Пустая полка выглядит негостеприимно, — сказал он.

— Она выглядит свободной. Нонна сама решит, что туда положить.

Дмитрий убрал плед обратно. Нонна и правда сама решит, что ей нужно.

Когда такси Нонны выехало из аэропорта, Ксюша погасила лампаду. Дождалась, пока перестанут тлеть фитили и остынет латунь, затем убрала чашу в закрытый шкаф. Нонна знала, что она значит. Устраивать из встречи представление было незачем.

В дверь ещё не звонили, а Дмитрий уже стоял в прихожей.

— Ты можешь сесть, — сказала Ксюша.

— Могу.

— Но не сядешь?

— Нет.

За дверью застучали колёса чемодана. Дмитрий выдохнул и посмотрел на Ксюшу. Она подошла и встала рядом.

Дмитрий положил телефон на стол экраном вниз.

До звонка оставалась, наверное, секунда.

Нонна была по ту сторону двери.

Глава 2. Нонна

Она позвонила и вошла, едва Дмитрий успел открыть дверь.

Такси ещё не успело отъехать, а в прихожей уже стоял чемодан — небольшой, набитый так плотно, что молния держалась на честном слове. За ним стояла женщина едва выше Ксюшиного плеча, в слишком тёплом для такой погоды пальто. Выглядела она так, словно исход визита ей уже известен.

Квартира была одноуровневой и небольшой: из прихожей один коридор вёл к кухне, комнате с диваном и домашнему кабинету. Нонна успела поставить чемодан поперёк этого единственного пути, словно показывая дому, по чьим правилам ему теперь придётся функционировать.

— Дим, — сказала она вместо приветствия, — ты похудел.

— Я такой же, как в прошлый раз.

— Значит, в прошлый раз я тоже была права, просто не сказала.

Она обняла его быстро и крепко, тут же отступила на шаг и посмотрела на Ксюшу.

Нонна смотрела внимательно, без улыбки. Так изучают человека, о котором много слышали и наконец встретили.

— Ксюша, — сказала она.

— Здравствуйте, — ответила Ксюша.

— Нонна.

Пожатие руки вышло крепче, чем Ксюша ожидала.

Нонна на секунду задержала её ладонь, окинула взглядом лицо, наспех собранные волосы и отпустила.

— На фотографиях ты другая, — сказала она.

Ксюша насторожилась.

— Хуже?

— Спокойнее. Фотографии вообще врут про живых людей, а Дима выбирает только те, где ему хорошо. Потому и кажется, будто это твоё неизменное состояние.

— А сейчас какое?

— Сейчас ты решаешь, можно ли меня впускать.

— Вы уже вошли.

Уголок Нонниных губ дрогнул.

— Значит, первый вопрос решён.

Дмитрий поднял чемодан.

— Проходи. Разберём вещи потом, сначала чаю попьем.

— Нет. Сначала не это.

— А что?

Нонна перевела взгляд с одного на другую, потом обратно. Сняла пальто, быстро и деловито, и повесила его на крючок так, будто он всегда был её.

— Сначала я хочу сказать то, ради чего вообще приехала.

Ксюша посмотрела на Дмитрия. Он приподнял бровь с усталой готовностью человека, который узнаёт начало знакомого спектакля.

— Мы слушаем, — сказал он.

Нонна сложила руки на груди.

— Вы друг другу подходите.

Пауза.

— Спасибо, — осторожно сказала Ксюша.

— Это не комплимент. Это факт.

— Нонна, — сказал Дмитрий.

— Что?

— Мы пять минут как встретились в прихожей.

— Мне хватило дороги от аэропорта, чтобы понять по фотографиям то, на что некоторым не хватает и года.

Она прошла на кухню, включила чайник — тоже не спрашивая, где что стоит, хотя явно была здесь впервые, — и продолжила говорить, не оборачиваясь:

— Вам нужно зарегистрироваться.

Чайник, который Нонна только что включила, ещё не успел зашуметь. На несколько секунд в кухне стало слышно, как в прихожей медленно оседает на бок плохо поставленный чемодан. Потом он мягко ударился о стену.

— Что именно зарегистрировать? — переспросила Ксюша.

— Отношения. Брак. Вслух называйте, как хотите, от перемены мест слагаемых, сумма не меняется.

Ксюша выразительно посмотрела на Дмитрия. Тот встретил её взгляд и едва заметно развёл руками: ураган прибыл, предупреждение было честным.

— Мы это не обсуждали, — сказала Ксюша.

— Значит, самое время начать.

— Нонна, у нас есть своё мнение на этот счёт. Мы живём в своём темпе, — сказал Дмитрий.

— У вас есть отговорки. Темп — это когда двигаются. А вы просто долго стоите на одном месте и называете это темпом.

— Это не совсем...

— Дим.

Он замолчал.

Ксюша с интересом отметила, что это заняло у неё ровно одно слово.

Чайник закипел. Нонна нашла чашки с первой попытки. В две положила обычный чай, а себе заварила отдельно — крепче, из банки, которую уже успела выставить на стол.

— Я не прошу вас венчаться сегодня, — сказала она, садясь. — Я просто говорю то, что вижу.

— А если мы не готовы? — спросила Ксюша.

Нонна посмотрела на неё так, как смотрят на ученика, который ожидаемо признаётся, что забыл домашнее задание дома.

— Готовность — это слово, которое придумали, чтобы откладывать. Я не спорю с тобой, Ксюша. Я просто не собираюсь делать вид, что не вижу очевидного.

— Это не одно и то же?

— Нет.

Она отпила чай.

— Спор имеет своей целью переубеждение другого. Я не хочу тебя переубеждать. Мне это не нужно, это вам нужно, чтобы вы поженились. И моя цель донести это до вас. Как видишь, смыслы совсем разные.

Дмитрий издал странный булькающий звук, что-то среднее между вздохом и смехом.

— Видишь, — сказал он тихо, обращаясь к Ксюше. — Я же говорил.

— Ты говорил не это. Ты сказал: «Она немного напористая».

— Я не хотел тебя пугать заранее.

— Ты меня подготовил на одну десятую.

Нонна слышала их и не собиралась притворяться глухой. К сожалению.

— Я не напористая, — отрезала она. — Я просто вижу дальше, чем вы двое готовы признать.

— У всех людей своя скорость готовности, — сказала Ксюша.

Ксюша говорила спокойно, но чашку брякнула о стол громче, чем ожидалось.

Нонна медленно кивнула.

— Согласна.

Ксюша успела выдохнуть.

— Но на вашей скорости вы только к марту решите, какой месяц выбрать, — продолжила Нонна. — Я просто предлагаю сократить путь.

— Это не предложение. Это уже расписание, — чуть закатив глаза, возразила Ксюша.

— Расписание — это когда есть даты. У меня пока только направление.

— И билет в одну сторону? — вклинился Дмитрий.

— Обратный тоже есть. Я просто могу его поменять.

— Разумеется. — Дмитрий кивнул хорошо предсказуемому ответу.

Нонна достала из сумки очки, надела их и взглянула на них обоих уже поверх тонкой оправы, словно строгая учительница, отчитывающая двух хулиганов.

— Я понимаю, что вы взрослые. Именно поэтому не собираюсь разыгрывать сцену, будто мне безразлично, что вы делаете со своей жизнью. Не хотите — не женитесь. Но тогда хотя бы один раз честно скажите друг другу почему.

На этот раз в голосе Нонны не было нажима. Она замолчала и оставила право ответить самим.

— А если причина в том, что нам и так хорошо? — спросила Ксюша.

— Тогда это причина ничего не менять. Но не ответ на вопрос, хотите ли вы назвать друг друга семьёй не только дома.

Дмитрий провёл ладонью по краю стола. О свадьбе они думали давно, но каждый раз откладывали прямой разговор. Тема всплывала возле чужих свадебных фотографий, в бытовом «если когда-нибудь», в Ксюшином взгляде на кольца в витрине, который, как она считала, оставался незамеченным. Всякий раз находилось что-то более срочное, более важное. А главное, между ними обоими всё происходящее и без слов казалось понятным.

Дмитрий молча пил чай и наблюдал за ними. Ксюша уже выучила это выражение: с сестрой он берёт силы и ждал момента, когда его слова смогут возыметь хоть какой-то эффект.

Позже, когда Нонна ушла разбирать чемодан в комнате с диваном («он сам себя не разберёт, а спать я в пальто не собираюсь»), Ксюша осталась с Дмитрием на кухне.

Из комнаты донёсся треск молнии, затем стук упавшей банки.

— Целая! — крикнула Нонна прежде, чем кто-то успел спросить.

Ксюша посмотрела на закрытую дверь и только потом повернулась к Дмитрию.

— Она всегда так?

— Плюс-минус.

— Ты не удивился ни одному слову.

— А ты хотела, чтобы я удивился?

— Я хотела, чтобы ты хоть немного был на моей стороне.

Дмитрий посмотрел на неё серьёзно.

— Я на твоей стороне. Но если я сейчас начну спорить с Нонной, к вечеру у нас не останется сил на собственный разговор.

— А какой разговор важен?

— Тот, который мы поведём вечером. Без неё в комнате.

Ксюша немного смягчилась, но не до конца. Складка между бровями никуда не исчезла.

— Она игнорирует всё, что я говорю.

— Она тебя слушала. Просто у неё есть особенность: услышанное не меняет её целей. Называй это избирательный слух.

— Это звучит не как комплимент ей.

— Это не комплимент. Это точное описание.

Он помолчал.

— Она не со зла, Ксюш. Она вообще не умеет иначе. Если бы умела — возможно, меня бы сейчас здесь не было.

Ксюша не попросила объяснить. Она знала, кому Дмитрий пытался дозвониться в тот день, и знала, что Нонна появилась позже — когда страшное уже произошло. Появилась и осталась: без обещаний, без торга, с тем самым упрямством, которое теперь приняло форму распоряжения о свадьбе.

Ксюша ответила не сразу. За стеной Нонна с грохотом переставляла вещи, уже осваивая чужую комнату.

— Хорошо, — сказала наконец Ксюша. — Сегодня я просто наблюдаю.

— Разумно.

— Я не сказала, что согласна с ней.

— Я и не говорил, что ты обязана.

Из соседней комнаты донёсся голос Нонны со словами, не подразумевавшими ответа:

— Кстати, я уже посмотрела свободные залы на июнь. Просто на будущее.

Вечером Нонна приготовила ужин из того, что нашла в холодильнике, и ещё полчаса возмущалась: «Из нормального здесь только яйца и масло». Ксюша попыталась помочь, но дважды оказалась не у того ящика и один раз — не с той стороны плиты. В итоге ей доверили хлеб и ответы на вопросы.

— Ты по утрам ешь? — спросила Нонна.

— Иногда.

— Неправильный ответ. А Дима?

— Если напомнить.

— Это я знаю.

— Откуда, если вы не живёте вместе?

— Некоторые недостатки не меняются с возрастом.

Дмитрий вошёл как раз на последней фразе.

— Я всё слышу.

— Тогда завтра сам сделаешь завтрак.

— Ты приехала в гости или проводить инспекцию?

— Я ещё не решила.

За столом Нонна рассказывала о дороге, о женщине в соседнем кресле, которая весь полёт боялась турбулентности, и о таксисте, трижды пытавшемся свернуть не туда. Она не возвращалась к свадьбе. Это удивило Ксюшу больше, чем если бы та вновь открыла календарь на следующий год и стала рассказывать, в какой последовательности осуществлять свадебные приготовления. Несмотря на произведённое ранее впечатление и свой незыблемый взгляд на их будущее, Ксюша смогла разглядеть в ней и другие черты. Нонна оказалась смешливой, внимательной к деталям и способной рассказывать так, что Дмитрий несколько раз смеялся совсем другим смехом — коротким, молодым, незнакомым Ксюше.

Ксюша смотрела на брата и сестру. Они одинаково поворачивали голову, перебивали друг друга на полуслове и оба знали, в каком месте рассказа второй сойдёт, чтобы покрасоваться. Рядом с Нонной Дмитрий становился будто моложе. Или может... свободнее? Сейчас Ксюша видела в нём совершенного незнакомца, юношу, о чьей жизни могла узнать лишь по рассказам.

После ужина Нонна сама вымыла посуду. Ксюша вытирала тарелки, и несколько минут они провели в спокойном молчании.

— Я не хочу за вас решать, — вдруг сказала Нонна, глядя в раковину.

— Но похоже не получается.

— Знаю. У меня так всегда... Сначала делаю, потом объясняю почему.

— А можно наоборот?

Нонна подумала.

— Можно попробовать.

Нонна не извинилась, но хотя бы согласилась попробовать говорить до того, как начнёт действовать.

Ксюша выдохнула и вернулась к тарелке. За столом Дмитрий улыбнулся в чашку.

— Началось, — сказал он.

— Ты знал, что так будет?

— Я знал, что будет какая-то версия этого. Форму я предсказать не берусь. Она никогда не повторяется.

За окном темнело. В комнате с диваном снова зашуршала молния чемодана, затем Нонна потребовала сообщить, где лежат запасные вешалки. За несколько часов она успела занять в квартире ровно столько места, сколько ей требовалось, и ещё немного — на всякий случай.

Ксюша отнесла ей чистое полотенце. Чемодан лежал на полу раскрытым: одежда, два пакета чая, зарядки, книга с загнутыми уголками и маленький матерчатый мешок неизвестного назначения. Вещей было много, но внутри царил порядок, понятный только хозяйке.

— Полка свободна? — спросила Нонна.

— Для вас.

— Для тебя. Если будем жить в одной квартире, «вы» долго не выдержит.

Ксюша поставила полотенце на край дивана.

— Полка свободна для тебя.

Нонна задержала на ней взгляд, прислушиваясь к интонации.

— Хорошо.

Она переложила в шкаф две стопки и остановилась у соседней полки, где стояла коробка с кабелями.

— Это можно убрать?

— Лучше спросить у Димы.

— Значит, нельзя без спроса.

Нонна закрыла дверцу и не тронула коробку.

— Ты правда не знаешь, насколько приехала? — спросила Ксюша.

— Обратный билет через десять дней. Но билет — не приговор.

— А что должно произойти за эти десять дней?

Нонна села на чемодан, чтобы прижать выпирающий карман.

— Я хочу увидеть, как вы живёте, когда не стараетесь показать, что всё хорошо.

— Мы не стараемся.

— Вот и проверим.

Ксюша уже приготовилась возразить, но Нонна первой подняла ладонь.

— Плохо сказала. Не «проверим». Я посмотрю. А выводы постараюсь оставить при себе хотя бы до завтра.

— Большая жертва.

— Ты ещё не представляешь.

Они обе улыбнулись. Ксюша вышла и прикрыла за собой дверь.

Поздно вечером, когда Нонна наконец закрыла дверь комнаты, Дмитрий и Ксюша вернулись на кухню вдвоём.

— Забудем на минуту всё, что она сказала, — предложил Дмитрий. — Если бы она не приехала, ты сама хотела бы стать моей женой?

Ксюша молчала долго. Ей нужно было услышать собственный ответ отдельно от Нонниного напора.

— Хотела бы, — сказала она. — Но не хочу, чтобы получилось, будто нас поженила Нонна.

— Она может выбрать зал, спорить о цветах и объявлять сроки. Выбрать друг друга вместо нас она не может.

— А ты?

— Я хочу жениться на тебе. Нонна только заставила нас перестать обходить этот разговор. Мы слишком долго считали, что главное уже есть и называть его необязательно.

Ксюша взяла его за руку.

— Тогда июнь?

— Июнь. Если это наш выбор.

— Наш.

Будить Нонну они не стали. Дмитрий достал из шкафа лампаду, проверил масло и зажёл пять фитилей. Ксюша села рядом, положив ладонь на стол. Несколько минут они молчали, привыкая к только что принятому решению.

— Мы можем передумать насчёт июня, — сказал Дмитрий. — Насчёт формата, гостей, зала. Насчёт всего, кроме того, что решение принимаем мы.

— Да.

— И если Нонна начнёт давить, я остановлю её.

Ксюша посмотрела на него.

— Не спорить, а остановить?

— Есть разница.

— Теперь понимаю.

Они ещё раз проговорили главное: июнь пока означал направление; зал, формат и день они выберут вдвоём. Ксюша повторила это сама и только тогда успокоилась. Нонна открыла дверь, высунула голову и спросила, можно ли хотя бы записать месяц. Дмитрий разрешил — только карандашом.

Перед сном Дмитрий погасил фитили, и они убрали лампаду в закрытый шкаф. В комнате с диваном скрипнула кровать, и раздался приглушённый Ноннин голос:

— Я не сплю. И июнь — хороший выбор.

Ксюша закрыла лицо ладонью. Дмитрий беззвучно рассмеялся.

На кухонном календаре слово «июнь» появилось карандашом.

Глава 3. Кухня на троих

На столе лежали три блокнота, два телефона и один список, который уже никто толком не мог прочитать, потому что поверх него писали в три руки.

— Зал на набережной отпадает, — сказала Нонна, не поднимая головы. — Слишком открыто. Ветер испортит звук.

— А если тент? — предложила мама Ксюши.

— Тент — это уже не зал на набережной, это шатёр на стройке.

Ксюша хотела вставить, что ей вообще-то нравился именно тот зал, но не успела — мама уже кивала, соглашаясь, будто идея была её собственной с самого начала.

— Тогда веранда у ресторана, — сказала мама. — Я узнавала, там в июне закрытая терраса.

— Про террасу я тебе вчера и говорила.

— Ты говорила про зал.

— Я говорила про террасу зала.

Ксюша посмотрела на обеих.

— Вы можете хоть иногда уточнять, кто что сказал?

Обе синхронно посмотрели на неё с одинаковым недоумением. Они так быстро двигались по списку, что Ксюша едва успевала вернуть разговор к собственным пожеланиям.

— Мы уточняем, — сказала Нонна. — Между собой.

— А я где в этом уточнении?

— Ксюш, — мягко сказала мама, — ты у нас невеста. Тебе выбирать платье, гостей, стол. Остальное — не твоя забота.

— Это моя свадьба вообще-то.

— Именно поэтому, — невозмутимо ответила Нонна, — тебе не стоит тратить нервы на террасы и тенты.

Ксюша открыла рот, чтобы возразить, повернулась к матери в поисках поддержки.

— Мам, ну скажи ей...

— Ксюшенька, — мама накрыла её руку своей, — Нонна права. Дай нам заняться этим. У вас с Димой и без того забот хватает.

Ксюша перевела взгляд на Нонну, ожидая от неё хоть какого-то намёка на противоречие с матерью. Не дождалась.

— Мам, а ты правда так думаешь, или просто соглашаешься с ней?

— Я правда так думаю. Но это не мешает быть согласной с Нонной.

— Вы что, договорились заранее?

— Нет, — ответили обе одновременно, и это прозвучало настолько слаженно, что они даже сами удивились.

До приезда Нонны Ксюша была уверена, что знает мамин способ принимать решения. Сначала осторожный вопрос, потом «мне всё равно», а через десять минут все почему-то обсуждают вариант, выбранный ею ещё вчера. Нонна начинала с готового ответа и лишь затем выясняла, кто согласен. Теперь одна наступала прямо, вторая заходила сбоку, в результате Ксюша опомнилась только тогда, когда половина её составленного списка уже была вычеркнута.

— Стоп. Давайте сделаем шаг назад, — сказала она. — Никакого окончательного решения по залу не будет, пока мы с Димой его не посмотрим.

Мама первой отложила ручку.

— Конечно, Ксюшенька.

Нонна ещё секунду держала палец на строчке с адресом, потом тоже убрала руку.

— Посмотрите. Я только забронировала просмотр, не зал.

— Когда?

— Во вторник.

— Во вторник у меня запись.

— Тогда в среду.

— Ты уже перенесла?

— Пока нет. Но номер записан.

Раздражение снова поднялось к горлу. Ксюша положила ладони на стол и заговорила, пока ещё могла говорить спокойно.

— Нонна, я не хочу выбирать из того, что вы мне оставили. Я хочу иметь возможность выбирать до того, как вы успеете вычеркнуть половину.

Мама посмотрела на неё внимательнее. Нонна не отвела глаз.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Возвращаем вычеркнутое. Кроме тех, кто не отвечает на звонки.

— Почему кроме них?

— Потому что если они не отвечают до оплаты, после оплаты лучше не станет.

Ксюша хотела возразить, но остановилась. В этом была логика.

— Ладно. Этих оставим вычеркнутыми.

Нонна молча подвинула к ней список и убрала руку.

Ксюша откинулась на спинку стула.

— Я чувствую себя лишней на собственной свадьбе.

— Не лишней, — Нонна наконец подняла взгляд от блокнота. — Просто освобождённой. Есть разница.

— От чего освобождённой?

— От того, что тебе совершенно не обязательно делать.

— А если я хочу это делать?

Нонна пожала плечами и развернула к ней второй лист.

— Хочешь — делай. Вот список поставщиков цветов, я не смотрела ещё. Возьми на себя.

Ксюша посмотрела на список. Двенадцать пунктов, половина уже вычеркнута чужой рукой.

— Половина уже вычеркнута.

— Плохие варианты, — коротко пояснила мама. — Мы сразу отсеяли.

— Вы сказали, я могу взять на себя.

— Ты можешь. Из оставшихся шести.

Ксюша фыркнула. Злость ещё держалась, но происходящее уже начинало её забавлять.

В этот момент хлопнула входная дверь.

Дмитрий вошёл, стянул ботинки и ещё из прихожей почувствовал знакомую атмосферу: женщины на кухне снова что-то решали.

Он принёс с собой холодный воздух и запах мокрой листвы. На улице начался мелкий дождь, и несколько капель успели оставить тёмные разводы на плечах. Ксюша заметила, что он устал: движения были медленнее, чем утром, но взгляд всё равно сначала остановился на ней, проверяя настроение, и только потом перешёл на разложенные бумаги.

— Привет, — сказал он словно в пространство. — Как продвигается?

— Хорошо продвигается, — не оборачиваясь, ответила Нонна.

Он прошёл на кухню, поставил чайник, заглянул через плечо матери Ксюши в список.

— А почему флористы вычеркнуты? У этих же неплохие были работы, я смотрел...

— Дим, — Нонна не дала ему договорить, — не лезь.

— Я просто спросил.

— Это не мужское дело.

— Я вообще-то тоже на этой свадьбе присутствую.

— Присутствовать будешь на самой свадьбе. Сейчас — не мешай.

Дмитрий взглянул на Ксюшу, явно рассчитывая на поддержку.

— Дим, не встревай, — сказала она, стараясь злорадно не улыбаться, но не слишком успешно. — Правда, позволь им.

Он перевёл взгляд с Нонны на маму Ксюши, затем на собственную невесту, которая ещё пять минут назад спорила с ними обеими.

— То есть, — медленно произнёс он, — вас теперь трое.

Никто не ответил — все три женщины уже снова склонились над списком.

Дмитрий забрал закипевший чайник, налил себе чай, чтобы распить его в одиночестве, и, ни на что больше не претендуя, отвернулся.

— Знаешь, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, направляясь к двери в кабинет, — я всегда считал, что и с одной справиться почти невозможно.

Он остановился в дверях и, сделав драматичную паузу, закончил:

— Не представлял, что бывает хуже.

И, улыбаясь чему-то своему, ушёл работать, оставив трёх женщин снова спорить о террасе и шатре.

Через десять минут Ксюша закрыла блокнот.

— Всё. На сегодня хватит.

Нонна посмотрела на часы.

— Мы только начали.

— Именно поэтому нужно остановиться, пока мы ещё разговариваем, а не командуем друг другом.

Мама первой поднялась из-за стола. Она собрала пустые чашки и, проходя мимо дочери, легко коснулась её плеча.

— Ты права. Я увлеклась.

Ксюша ожидала, что Нонна продолжит спор, но та аккуратно закрыла свой блокнот и положила ручку вверх.

— До завтра?

— Не обязательно каждый день.

— До послезавтра?

— Посмотрим.

— Это уже прогресс, — заметила мама, и они обе рассмеялись.

Когда за мамой закрылась дверь, Нонна вернулась на кухню, чтобы убрать бумаги. Она складывала их по темам: зал, цветы, еда, гости. Ксюша стояла рядом, не помогая и не уходя.

— Ты сердишься? — спросила Нонна.

— Да. Немного.

— На меня или на маму?

— На вас обеих. И на себя, потому что сначала позволила вам всё решить, а потом обиделась.

Нонна выровняла края стопки.

— Ты не позволила. Мы взяли. Это разные вещи.

Ксюша не ожидала такой точности и поэтому ответила не сразу.

— Тогда верните.

— Вернём. Но помощь не отменяем.

— Я и не прошу отменять.

Правило записали на верхнем поле списка: Нонна и мама собирают информацию, звонят, уточняют цены и даты, но ничего не бронируют без Дмитрия и Ксюши. Сначала — их пожелания, потом варианты. Нонна назвала это бюрократией, однако запись не зачеркнула.

Почти сразу зазвонил её телефон. Нонна взглянула на номер и одними губами произнесла: «Флористы».

— Возьмёшь? — спросила Ксюша.

— По новому уставу мне сначала нужен письменный допуск.

— Возьми. Только ничего не подтверждай.

Нонна включила громкую связь. Женщина на другом конце назвала свободную дату, минимальную сумму и предложила поставить предварительную бронь до вечера. Нонна уже открыла рот — Ксюша увидела знакомое выражение, с которым та собиралась ответить за всех, — но сестра Дмитрия остановилась сама.

— Спасибо. Мы запишем условия и перезвоним после решения пары.

Она завершила звонок и положила телефон на стол.

— Видела?

— Видела.

— Мне было физически больно.

— Но ты выжила.

— Пока не уверена.

Ксюша вписала цену в колонку «проверяем». Нонна не потянулась к ручке, хотя та лежала у самого локтя. Ксюша заметила это усилие, но ничего не сказала.

Дмитрий вышел из кабинета, когда кухня уже опустела. В руках у него были наушники, которые он, видимо, снял только у двери.

— Все живы?

— Пока да, — сказала Ксюша.

Нонна прошла мимо него со стопкой бумаг.

— Не преувеличивай своё значение. Мы справились без тебя.

— Это я заметил.

Когда дверь комнаты с диваном закрылась, он сел напротив Ксюши.

— Что произошло на самом деле?

Она рассказала про флористов, террасу и новое правило. Дмитрий дослушал до конца, не перебив ни разу.

— Хорошее правило, — сказал он. — Добавим ещё одно: если я ухожу в кабинет, это не значит, что мне всё равно.

— А что значит?

— Что я решил: ты справишься сама. Но мне стоило сначала спросить, нужен ли я тебе в этом разговоре.

Ксюша кивнула.

— Сегодня я справилась.

— Я слышал.

— Ты подслушивал?

— В этой квартире невозможно не подслушивать Нонну.

Он протянул руку через стол. Ксюша вложила в неё ладонь. Рядом лежал продавленный ручкой лист, а под первым правилом стояли две жирные черты.

На следующий день Нонна действительно не открыла блокнот до ужина.

Зато после ужина она положила перед Ксюшей чистый лист.

— Твои условия для зала, — сказала она. — Не варианты. Сначала условия.

Ксюша посмотрела на Дмитрия. Он сидел у окна с ноутбуком, но уже поднял голову.

— Наши условия, — поправила она. — Дим, иди сюда.

Они начали не с цены и не с адреса. Ксюше был нужен естественный свет и место, где гости не окажутся разделены на маленькие компании. Дмитрию — нормальная акустика, возможность поставить оборудование без кабелей в проходе и отсутствие отдельной сцены, пре-

вращающей семейный вечер в концерт. Оба не хотели огромный зал, который пришлось бы заполнять людьми ради масштаба.

Нонна записывала, не перебивая. Один раз подняла ручку, собираясь возразить про сцену, но Ксюша сказала:

— Сначала дослушай.

Ручка вернулась к бумаге.

Мама присоединилась по видеосвязи. Её первым вопросом было, где поставить цветы. Ксюша ответила, что до выбора зала цветы не существуют. Мама засмеялась и согласилась.

Через полчаса на листе осталось семь требований. Нонна зачеркнула три адреса, но на этот раз объяснила каждый: один зал не позволял внешнее звуковое оборудование, второй был слишком большим, третий не имел свободных июньских дат. Ксюша сама позвонила в два места, чтобы подтвердить. Ответы совпали.

— Вот теперь можно вычёркивать, — сказала она.

— Я их вчера поэтому и вычеркнула.

— Но вчера это было твоё решение. Сегодня наше.

Нонна посмотрела на неё, затем поставила рядом с каждым адресом дату звонка.

— Поняла.

Дмитрий закрыл ноутбук.

— Запишем ещё бюджет.

— Я думала, вы хотите сначала посмотреть, — сказала мама с экрана.

— Смотреть нужно то, что подходит нам по цене и условиям. Иначе потратим время на вариант, который всё равно не выберем.

Они вместе назвали сумму, которую считали разумной. Нонна попыталась добавить запас из собственных денег; Дмитрий сразу отказался.

— Помощь можно предложить, — сказал он. — Но мы не хотим увеличивать бюджет за ваш счёт.

— Я не покупаю право.

— Знаю. Поэтому и говорю прямо до того, как мы поссоримся.

Сестра убрала калькулятор. Мама Ксюши тоже не стала настаивать.

После звонка мама прислала таблицу расходов, составленную ночью. Кроме зала и цветов там уже стояли арка, одинаковые чехлы на стулья и подарки гостям — вещи, которые Дмитрий и Ксюша даже не обсуждали. Ксюша несколько секунд смотрела на экран, выбирая между привычным «ладно» и таким же привычным «ничего не нужно». Потом сама позвонила матери.

— Мам, таблица хорошая. Оставь транспорт и еду. Остальное пока убери в отдельный лист.

— Совсем убрать?

— Не выбросить. Просто не считать решённым.

Мама помолчала и спросила, каким цветом отметить предложенные, но не утверждённые строки. Ксюша выбрала серый. Через минуту таблица вернулась уже с новой пометкой.

Нонна наблюдала, как Ксюша меняет пометки, и не поправляла. Потом всё же сказала:

— Арка вам не нужна.

— Возможно. Но это скажем мы.

— Учусь.

— Быстро?

— Не обещаю.

К вечеру на холодильнике появился чистый лист с тремя колонками: «хотим», «проверяем», «не берём». Дмитрий добавил четвёртую — «не знаем». Нонна назвала её бессмысленной, а через пять минут перенесла туда два адреса.

К концу вечера на листе смешались четыре почерка: Ксюшины условия, Димины технические пометки, мамины вопросы и Ноннины даты звонков.

— Вот теперь нас действительно трое? — спросил Дмитрий.

— Четверо, — ответила мама с экрана.

— Я про квартиру.

— Тогда трое. Но не привыкай, Димочка, я тоже скоро приеду.

Он закрыл лицо ладонью. Ксюша и Нонна рассмеялись одновременно.

Глава 4. Студия

Нонна напросилась в студию утром — хотела «посмотреть, как это всё делается». Теперь она третий час сидела в углу аппаратной на жёстком стуле, который остальные давно уступили случайным гостям.

Профессиональная студия находилась в другом конце города, в здании без вывески, где на первом этаже пахло краской и отсыревшим бетоном. Нонна по дороге дважды спросила, почему нельзя было записаться ближе, и оба раза Дмитрий отвечал одинаково: здесь подходила комната, оборудование и человек, который знал его требования. Домашний кабинет годился для черновиков, аранжировок и поздней работы в наушниках. Чистовую запись они делали здесь.

Перед входом Нонна внимательно прочитала таблички на дверях, запомнила расположение пожарного выхода и только потом сняла пальто. Дмитрий заметил это, но ничего не сказал. Сестра всегда сначала изучала пространство, а уже потом позволяла себе в нём расслабиться.

Она держала чашку остывшего чая уже третий час, так и не притронувшись к ней.

— Ещё раз с бриджа, — сказал Дмитрий, не отрываясь от монитора.

Ксюша кивнула, вставила наушники поудобнее и запела заново — тот же фрагмент, восьмой или девятый раз за утро, отличавшийся от предыдущего на долю тона, неуловимую для всех, кроме троих в этой комнате.

Звукорежиссёр молча писал, глядя в экран, где бежала дорожка.

Между дублями Ксюша выходила из кабины, слушала замечания, спрашивала о дыхании и окончаниях фраз, затем возвращалась к микрофону. Восьмой дубль её уже не пугал. Звукорежиссёр отвечал за запись, Дмитрий слышал композицию целиком, а последнее решение о голосе оставалось за ней.

Нонна наблюдала, как Дмитрий меняется во время работы. Дома он мог часами сидеть неподвижно, слушая один фрагмент в наушниках. Здесь всё его тело участвовало в звуке: пальцы отсчитывали доли на колене, плечо едва заметно поднималось перед нужным вступлением, взгляд становился острым и собранным. Он не командовал Ксюшей. Просил пробовать, объяснял, что слышит, и принимал её отказ, если предложенное движение ломало смысл строки.

— Здесь не громче нужно, — сказал он после очередного дубля. — Представь, ты как будто уже всё решила, но ещё не произнесла вслух.

Ксюша сняла один наушник.

— Тогда пауза перед словом длиннее.

— Попробуй.

Она попробовала. На этот раз звукорежиссёр сам поднял большой палец, не дожидаясь команды.

Ксюша вышла из кабины и протянула Нонне запасные наушники.

— Хочешь услышать разницу?

— Я и так слышала.

— Не эту. Между седьмым и последним дублем.

Нонна надела наушники с недоверием человека, которому предлагают пройти проверку слуха. Дмитрий включил фрагменты подряд. В первом Ксюша брала ноту ровно и красиво; во втором перед словом была короткая пауза, и следующая фраза звучала увереннее.

— Ещё раз, — попросила Нонна.

Дмитрий повторил.

— Во втором она устала, — сказала сестра.

— Технически — да, — ответил он. — Но усталость сняла лишнюю осторожность.

— Значит, вы восемь раз пели, чтобы случайно устать правильно?

Ксюша рассмеялась.

— Примерно так и выглядит профессия.

Нонна вернула наушники. До этого ей казалось, что студийная работа состоит главным образом в ожидании: одна и та же строка, тот же экран, те же замечания. Теперь она поняла, почему Дмитрий не соглашался на первый удачный дубль. Разница была крошечной, но после сравнения первый вариант уже казался чужим.

— А если мне нравится седьмой? — спросила она.

— Тогда тебе нравится седьмой, — сказала Ксюша.

— И вы не станете его оставлять?

— Я ещё послушаю оба. Но выбирать буду не голосованием.

Нонна посмотрела на Дмитрия. Тот не вмешался и не попытался склонить сестру на сторону последнего дубля. Только пометил номера дорожек.

— Непрактично, — заключила Нонна.

— Зато честно, — сказала Ксюша и вернулась в кабину.

После этого Нонна стала следить за всей комнатой. Здесь каждый отвечал за свою часть работы, а окончательное решение об исполнении принимала Ксюша.

Теперь Нонна наблюдала не за Ксюшей и не за Дмитрием. Ещё в первый час её насторожила манера звукорежиссёра держаться. Нонна следила не столько за словами, сколько за жестами человека, уверенного, что на него никто не смотрит.

В его движениях что-то не сходилось.

Сначала Нонна решила, что ей просто не нравится его привычка отвечать прежде, чем Дмитрий закончит вопрос. Потом заметила другое: он был слишком внимателен к тому, какие файлы открыты, и недостаточно внимателен к самой музыке, когда разговор не касался его действий. На экране появлялось название новой папки — его взгляд задерживался. Дмитрий просил вернуться на несколько тактов — специалист выполнял точно, но через секунду снова проверял телефон.

Нонна не строила обвинение из жестов. Она знала цену подозрению, которое слишком быстро становится уверенностью. Поэтому только запоминала: время, выходы, перевёрнутый экран, короткое напряжение в лице.

Между дублями, пока Дмитрий и Ксюша склонялись друг к другу над какой-нибудь деталью, он быстро проверял телефон у клавиатуры. Экран лежал вниз. После каждого взгляда специалист снова переворачивал аппарат, будто не брал его в руки.

— Может, кофе? — спросил он в один из перерывов, вставая. — Я быстро.

— Давай, — не поднимая головы, ответил Дмитрий.

Он вышел. За одиннадцать минут Дмитрий с Ксюшей дважды переслушали один фрагмент, а кофемашина в коридоре включилась лишь под конец. Нонна посмотрела на часы, когда дверь снова открылась.

Он вернулся с двумя стаканами. Ни один не был его.

— А себе? — спросила Ксюша.

— Не хочу, — сказал он, садясь обратно за пульт с той же спокойной, отработанной улыбкой, с которой садился всегда.

Дмитрий взял свой стакан, сделал глоток и поморщился.

— Без сахара?

— Ты же без сахара.

— Я да. Ксюша — нет.

Звукорежиссёр посмотрел на второй стакан, словно впервые увидел маркировку на крышке.

— Перепутали, значит.

Ксюша пожала плечами и взяла кофе Дмитрия. Они молча поменялись стаканами. Нонна запомнила ошибку: за несколько месяцев работы такие мелочи обычно успевают выучить.

Нонна отпила давно остывший чай.

Ближе к обеду он снова вышел — «позвонить, по личному». Вернувшись, несколько секунд простоял в дверях и лишь потом сел за пульт. Перед тем как заговорить, он натянуто улыбнулся.

Ксюша ничего не заметила. Дмитрий тоже — он был занят панорамой вокала, той самой долей тона, из-за которой они переслушивали бридж уже в двенадцатый раз.

Нонна поставила чашку на подоконник и вышла в коридор — тихо, будто просто размяться.

Дошла до конца коридора, туда, где, как она уже знала по предыдущему разу, сигнал ловил лучше.

Никого не было.

Она вернулась в аппаратную раньше, чем кто-либо успел спросить, куда она ходила.

— Всё в порядке? — спросил Дмитрий, на секунду отвлекшись от монитора.

— Да, — сказала она. — Задумалась.

В коридоре она заметила закрытую дверь технической комнаты и красный индикатор камеры под потолком. Если здесь происходило что-то лишнее, должны были остаться следы: время входа, журнал доступа, история копирования. Как это проверяют, Нонна не знала. Зато знала брата: пустой намёк он либо отбросит, либо примет слишком близко. Оба варианта были плохими.

Вернувшись, она спросила первое безопасное, что пришло в голову:

— Долго ещё?

— Часа полтора, — ответил Дмитрий. — Устала?

— Нет. Хочу понять, когда заказать еду.

Звукорежиссёр поднял взгляд на неё слишком быстро. Возможно, просто услышал слово «заказать». Возможно, проверил, что именно она делала в коридоре. Нонна не стала выбирать удобное объяснение.

К вечеру звукорежиссёр попрощался как обычно: пожал руку Дмитрию, кивнул Ксюше. На Нонне задержал взгляд на секунду дольше и вышел первым.

Нонна проводила его взглядом до самой двери.

Она ничего никому не сказала в тот вечер.

По дороге домой Ксюша рассказывала о последнем дубле, который всё-таки удалось взять целиком. Дмитрий спорил, что второй куплет придётся переслушать на свежую голову. Нонна сидела сзади, глядя на отражения фонарей в боковом стекле, и отвечала невпопад.

— Тебе не понравилось? — спросила Ксюша, обернувшись.

— Понравилось.

— Ты всё время молчишь.

— Я умею молчать.

Дмитрий усмехнулся.

— Не верь ей. Это временное явление.

Нонна не подхватила шутку. Она вспоминала одиннадцать минут, два стакана и пустой коридор. Всё это могло иметь десяток объяснений. Пока ни одно не давало ей права вмешиваться.

Дома она записала на последней странице блокнота дату и два промежутка времени. Имя намеренно пропустила. Потом закрыла блокнот и убрала под вещи в комнате с диваном.

Она решила приехать ещё раз — без предупреждения и на полчаса раньше назначенного времени.

Через неделю такая возможность появилась. Дмитрий должен был приехать к полудню, Ксюша — на пятнадцать минут позже после занятия. Нонна сказала, что поедет отдельно и встретит их на месте. В одиннадцать двадцать девять она уже стояла у входа в здание.

Студия была открыта. Администратор разговаривал с курьером, в коридоре никого не было. Нонна не пошла в аппаратную и не пыталась застать человека за нарушением. Села на диван у стойки, откуда видела общую дверь, и достала свадебный блокнот.

Звукорежиссёр появился через несколько минут. Он шёл со стороны технических помещений, хотя по расписанию его сессия начиналась вместе с Дмитрием. В руке держал небольшой внешний накопитель. Увидев Нонну, на долю секунды остановился, затем поздоровался.

— Рано сегодня, — сказал он.

— Не люблю опаздывать.

— Дмитрия ещё нет.

— Я вижу.

Он убрал накопитель в сумку и прошёл в аппаратную. Работа с носителями входила в его обязанности. Нонна записала только время.

Когда приехал Дмитрий, она промолчала о встрече. Во время сессии звукорежиссёр работал внимательно, никуда не выходил и точно выполнил все задачи. К концу записи Нонна уже злилась на себя за подозрительность.

В перерыве администратор спросил специалиста, успел ли тот закончить «ту копию». Ответ прозвучал тихо:

— Потом. Здесь люди.

Нонна подняла голову. Администратор уже отвлёкся на звонок, а звукорежиссёр посмотрел в её сторону и улыбнулся. «Копия» могла относиться к любому проекту. И всё же теперь у неё были три вещи: время до сессии, внешний накопитель и услышанное слово.

На обратном пути она спросила Дмитрия как бы между делом:

— У вас резервные копии кто делает?

— Автоматика и администратор. К чему вопрос?

— Просто интересно.

— Тебе никогда не бывает просто интересно про резервные копии.

— Сегодня бывает.

Он посмотрел на неё долгим выжидающим взглядом, но вытягивать ответ не стал. Нонне это не понравилось: от других она требовала прямоты, а теперь сама уходила от разговора. Но оболгать человека без доказательств было бы для неё ещё хуже.

Дома она добавила к прежним записям дату и вопрос: «Кто санкционировал копию?». Больше ничего.

Наутро Дмитрий сам вернулся к вчерашней теме. Он ставил кружки на стол, когда заметил раскрытый свадебный блокнот. Нонна успела перевернуть страницу, но движение получилось слишком поспешным.

— Это всё-таки не просто интерес, — сказал он.

— Пока просто наблюдение.

— За кем?

— За процессом. И не спрашивай больше ничего, пока я ничего не могу подтвердить.

Дмитрий сел напротив и сразу стал серьёзным.

— Если это «наблюдение» касается моих файлов, я должен знать.

— Если я сейчас назову тебе имя, ты начнёшь смотреть на каждое действие этого человека через призму моего пока ещё субъективного мнения. И только это уже повлияет на работу. У меня есть время, носитель и слово «копия». Этого мало для прямых подозрений.

— Но достаточно, чтобы проверить правила доступа.

Нонна подняла глаза. Он понял её правильно: сначала проверить порядок, потом людей.

Дмитрий открыл ноутбук и нашёл договор аренды студии. В приложении было указано, что технические копии создаёт администратор, а временные рабочие файлы могут храниться у специалиста только в пределах сессии. Кто подтверждает удаление, в документе не говорилось.

— Дыра, — сказал он.

— Не преступление.

— Я и не говорю, что преступление.

Он написал администратору: попросил описать порядок резервирования, журналы доступа и правила для внешних накопителей. Имени звукорежиссёра в письме не было.

Ответ обещали подготовить к концу недели. Нонна вычеркнула из блокнота вопрос «говорить ли Диме» и записала новый: «Сравнить порядок и фактические даты».

— Теперь ты остановишься? — спросил Дмитрий.

— До ответа — да.

— И ничего не будешь искать сама?

— Я не следователь. Я твоя сестра.

Нонна закрыла блокнот. Искать чужие данные, требовать доступ и выносить решение за Дмитрия она не собиралась.

Со звукорежиссёром она держалась как прежде. Ксюше и Марине о своих подозрениях не говорила, личных сведений о нём тоже не искала. Если Нонна ошибалась, её подозрения не должны были повредить чужой работе.

Ответ администратора пришёл вечером. В нём были общие правила, но не перечень фактических операций. Нонна сразу заметила разницу.

— Он ответил, как должно быть, — сказала она. — Не как было.

Дмитрий перечитал письмо.

— Тогда попрошу журнал за конкретные даты.

— Укажешь мои наблюдения?

— Нет. Укажу свои проекты и право знать, кто открывал файлы.

Запрос Дмитрий написал сам. Нонна не диктовала формулировки и не просила поставить её в копию. Закрыла блокнот и откинулась на спинку стула. Теперь оставалось ждать ответа администратора.

Ксюше сказали, что уточняют порядок доступа. До ответа незавершённые записи хранили дома и привозили в студию только на время сессии.

На следующую запись Нонна не поехала. Осталась дома со свадебными списками. Если появятся факты, она расскажет, что видела. Пока ей оставалось ждать, а не обвинять заранее человека, чья вина ещё не была доказана.

Глава 5. Письмо

Письмо пришло в четверг между репетицией и ужином. В эти пятнадцать минут Ксюша обычно разбирала всё, что могло подождать.

Тема письма была короткой: «Предложение о сотрудничестве».

Ксюша едва не пролистала его. После камерных вечеров ей уже приходили отдельные рабочие приглашения, и ни одно не требовало немедленного ответа. Имя отправителя показалось знакомым: тот самый человек подходил к ней после выступления и вскользь предлагал «как-нибудь созвониться».

Она открыла письмо.

Первые абзацы были составлены безупречно. В них благодарили за внимание, отмечали «редкое сочетание узнаваемого тембра и искренности» и ссылались на камерное выступление, после которого её голос якобы обсуждала вся команда. Ксюша прочла эти слова дважды. Лесть была очевидной, но от этого не переставала действовать.

Она села у окна, поджав под себя ногу, и скачала прикрепленный файл. Восемнадцать страниц мелкого текста открылись не сразу. Ксюша решила просмотреть начало и вернуться к документу после ужина.

Через двадцать минут она всё ещё сидела там же.

Это было не разовое предложение и не приглашение выступить.

Полноценный контракт. Альбом под её именем. Продюсерская команда, которая «уже подобрана и готова начать в удобные для неё сроки». Пункт о правах на использование образа. Пункт о правах на архивные записи — и здесь она перечитала дважды, чтобы убедиться, что поняла верно: совместные с Дмитрием композиции, при переиздании под этим контрактом, автоматически переходили в категорию «сольного материала исполнительницы», с указанием его имени только в разделе благодарностей.

Ниже стояло требование эксклюзивности. Не только на будущие записи, но и на публичные появления, интервью, участие в чужих проектах. Каждое из них требовало письменного согласования. Формулировки были вежливыми и широкими; чем внимательнее Ксюша читала, тем меньше понимала, где заканчивается профессиональная организация и начинается право распоряжаться её временем.

Она открыла поисковик, ввела незнакомый юридический термин, прочла два объяснения и запуталась ещё сильнее. Можно было позвать Дмитрия. Он сидел в кабинете в нескольких метрах, и одного его вопроса «покажи» хватило бы, чтобы документ перестал казаться тайной. Ксюша не позвала.

Если она покажет сразу, письмо станет общим раньше, чем она успеет почувствовать его своим.

Она отложила телефон.

Взяла снова.

Перечитала третий раз.

Первой была радость, и Ксюша почти устыдилась её. Письмо обращалось лично к ней. Отдельно от пары, отдельно от проекта Nexxe.

Она вспомнила вечер в культурном центре. После сольных номеров к ней подходили слушатели, говорили о голосе, спрашивали, где найти запись. Ксюша благодарила и почти каждый раз добавляла имя Дмитрия, хотя её никто не спрашивал. Это было честно: песни родились внутри общей работы. В письме же речь шла только о её голосе.

Ксюша встала, прошла по комнате и вернулась к экрану. В документе было место для подписи. Пустая строка выглядела невинно, но она уже меняла смысл всего, что стояло выше.

Ей давно хотелось, чтобы однажды к ней обратились отдельно. До этого письма Ксюша не признавалась в таком желании даже себе.

Из соседней комнаты донёсся голос Дмитрия — он напомнил про завтрашний созвон с мастеринг-инженером.

— Хорошо! — отозвалась она слишком быстро.

Он появился в дверях.

— Ты мне?

— Нет. То есть да. Я слышала.

— Я спросил, не занять ли ванную первым.

— Займи.

Дмитрий задержался на секунду. Его взгляд скользнул по телефону в её руке, но он не спросил, что она читает.

— Ужин через двадцать минут?

— Давай через полчаса.

— Хорошо.

Когда он ушёл, Ксюша одновременно обрадовалась и обиделась. Хотела, чтобы он заметил, и боялась, что спросит. Дмитрий не спросил, дав ей пространство, а она восприняла это почти как равнодушие. Поймав себя на этой несправедливости, Ксюша закрыла документ.

Через минуту Ксюша снова открыла письмо.

Потом закрыла письмо, не отвечая, и убрала телефон в карман. Сначала нужно было самой понять, что она чувствует. Так Ксюша объяснила себе молчание.

За полчаса она придумала себе отсрочку: завтра перечитает договор на большом экране, выпишет вопросы, а потом расскажет. Ксюше хотелось сначала разобраться, нужен ли ей такой альбом, и только после этого идти к Дмитрию со своей радостью и растерянностью.

На следующий день отправитель напомнил о себе: «Буду рад услышать ваши первые впечатления». Ксюша не ответила и на это письмо. От неё пока просили лишь впечатления, но она уже чувствовала себя обязанной принять решение.

За ужином Дмитрий спросил, как прошёл день.

— Обычно, — сказала она. — Ничего особенного.

Он кивнул. Ксюша не поняла, поверил он или решил дать ей время.

Нонна в тот вечер ужинала у мамы Ксюши, и квартира непривычно затихла. На столе стояли две тарелки. Дмитрий рассказывал о мастеринге, о споре из-за слишком ярких верхних частот, потом спросил, не устала ли она после репетиции. Ксюша отвечала точно и коротко. Один раз она почти сказала: «Мне предложили контракт», но Дмитрий потянулся за солью, и Ксюша снова промолчала.

Ксюша понимала, что сама ищет повод отложить разговор. Ей хотелось сказать всё без помех и путаницы, чтобы Дмитрий сразу понял: она радуется предложению, но не собирается уходить.

Ксюша доела в тишине. Её тревожил пункт про архивные записи и готовый образ, который компания предлагала вместе с контрактом. Но мысль об альбоме под её собственным именем всё равно радовала.

Перед сном она открыла письмо ещё раз и поставила звёздочку, чтобы не потерять. Потом создала заметку с заголовком «Вопросы».

Первым написала: «Кому принадлежат песни?»

Вторым: «Что будет с нашими записями?»

Третью строку долго оставляла пустой, а затем набрала: «Почему я боюсь сказать Диме?»

Последний вопрос напугал её сильнее юридических пунктов.

Утром Ксюша проснулась раньше будильника. Дмитрий ещё спал, повернувшись к окну, и в сером свете лицо казалось уставшим. Телефон лежал между ними на тумбе. Письмо было в нескольких движениях пальца, но Ксюша не стала открывать его в постели.

Она ушла на кухню и перечитала записку. Трёх вопросов хватало, чтобы начать разговор сегодня. Ксюша добавила четвёртый: «Хочу ли я альбом на этих условиях?» Сначала написала: «Нет», затем исправила: «Не знаю». Второй ответ выглядел хуже, зато был честным.

За завтраком Дмитрий заметил открытый блокнот.

— План на день?

— Пытаюсь разобраться с одним рабочим вопросом.

— Нужна помощь?

Ксюша напрягла плечи и сильнее сжала кружку.

— Пока нет, — ответила она.

Дмитрий кивнул. Не обиделся и не стал расспрашивать. Через минуту заговорил о погоде.

Ксюша испытала облегчение и тут же разозлилась на себя. Он предложил помощь без нажима. Она отказалась, чтобы ещё немного сохранить письмо только своим — вместе с ощущением тайной возможности.

Когда Дмитрий ушёл, Ксюша распечатала не весь договор, а четыре страницы с правами и эксклюзивностью. Принтер стоял в домашнем кабинете и шумел на всю квартиру. Она забрала ещё тёплые листы и вернулась на кухню.

Красной ручкой обвела слова «безотзывно», «на весь срок» и «по усмотрению продюсера». Рядом с пунктом об архивных записях написала: «Они вообще могут это предложить?» Потом зачеркнула вопросительный знак и поставила два.

На бумаге договор волновал меньше, чем на экране. Перед Ксюшей лежали листы с мелким шрифтом, неровными полями и номерами страниц. Выбросить их она не смогла: сложила пополам и спрятала в тетрадь с сольными упражнениями.

Спрятала — слово пришло раньше, чем она осознала. Ксюша попыталась заменить его на «убрала», но разница была слишком очевидной: убрать можно было на стол, спрятать — только от человека.

Она вынула страницы обратно. Несколько секунд держала их в руках, готовясь отнести Дмитрию. Затем снова положила в тетрадь, на этот раз не закрывая обложку. Полумера ничего не исправляла, зато позволяла ещё один день притворяться, что решение о разговоре уже почти принято.

Днём отправитель договора позвонил. Ксюша увидела незнакомый номер, но догадалась по коду города и не ответила. Через минуту пришло сообщение: «Хотел уточнить, получили ли вы материалы. Буду рад обсудить без формальностей».

«Без формальностей» прозвучало приятно. В договоре их было слишком много; живой голос мог объяснить всё проще. Она набрала ответ с предложением созвониться вечером и остановилась перед отправкой. Почему именно вечером, когда Дмитрий будет занят, если это обычный рабочий разговор?

Ксюша удалила сообщение. Написала только, что материалы получила и вернётся с вопросами позже.

На репетиции она пела хуже обычного. В ноты попадала, но вступала с небольшой задержкой: мысли снова возвращались к письму. После третьей остановки Дмитрий снял наушники.

— Давай закончим раньше.

— Я могу ещё.

— Можешь. Но сегодня ты не здесь.

— Ты сердишься?

— Нет. Я предлагаю не тратить силы на видимость работы.

Он не спросил, где именно она мысленно потерялась. Ксюша собрала листы. Молчание уже вмешивалось в общую работу, хотя договор она продолжала считать личным вопросом.

Вечером Нонна рассказывала про очередной зал, мама присылала фотографии цветов, Дмитрий отвечал на письма. Ксюша смотрела на общий стол. Она могла положить договор рядом и обсудить его, не отдавая Дмитрию право решать за неё.

Позже, когда Дмитрий ушёл в кабинет, Ксюша осталась мыть посуду. Нонна вытирала тарелки и складывала их в шкаф, хотя дважды и поставила не на ту полку.

— У тебя что-то случилось, — сказала она.

Ксюша едва не ответила сразу. С Нонной было легче: её мнение в этом вопросе ничего не решало. Можно рассказать ей, проверить собственные слова и выйти к Дмитрию подготовленной. Но тогда между ними появится маленький союз за его спиной.

— Есть рабочее предложение, — сказала она осторожно. — Но я пока не готова обсуждать детали.

Нонна перестала вытирать тарелку.

— Дима знает?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что предложение для меня.

— Это ответ на другой вопрос.

Ксюша почувствовала раздражение, но не смогла назвать фразу несправедливой.

— Я хочу сначала понять, чего хочу сама.

— Тогда понимай. Только не проси меня скрывать это.

— Я не прошу.

— Хорошо.

Нонна не потребовала письмо и не пошла к брату. Поставила тарелку на правильную полку и вышла. Рассказать Дмитрию предстояло самой Ксюше.

Оставшись одна, Ксюша снова открыла договор. Теперь она видела перед собой обычный документ с условиями, способными изменить её нынешнюю жизнь. Исключительность на несколько лет, использование образа в продвижении, предварительное согласование записей с другими авторами — отдельная карьера на таких условиях неизбежно задевала их совместную работу.

Она выписала конкретные пункты в блокнот. Рядом с каждым провела две колонки: «касается меня» и «касается нас». Большая часть строк попала в обе.

В кабинете Дмитрий несколько раз запустил один восьмитактовый фрагмент. Ксюша слышала через дверь, как он меняет бас, возвращает прежний, снова останавливает запись. Обычно она вошла бы и спросила, можно ли послушать. Сегодня стояла в коридоре с телефоном в руке и не решалась постучать.

Она вернулась на кухню, налила воды и написала себе ещё один вопрос: «Сколько времени мне действительно нужно, а сколько я просто откладываю?» Ответа не было. Зато появилась дата: завтра после ужина.

Наутро она перенесла разговор на вечер из-за ранней сессии. Вечером приехала мама, и Ксюша снова сказала себе, что поговорит завтра. Каждая причина по отдельности казалась разумной.

Первые дни письмо давало ей энергию. Ксюша просыпалась раньше, читала статьи о договорах, выписывала незнакомые формулировки. Она называла это подготовкой, хотя ни одного вопроса отправителю не задавала. Чем больше узнавала, тем убедительнее казалось, что ещё один день молчания необходим.

На четвёртый день компания прислала примеры визуального образа: чужие фотографии, сценические костюмы и подпись «возможное направление взросления артистки». Ксюшу задело слово «взросление». Выходило, сейчас она недостаточно взрослая, зато кто-то снаружи уже знает, какой ей стать.

Она показала подборку Нонне только издалека, не позволяя читать письмо.

— Тебе нравится? — спросила сестра.

— Некоторые вещи красивые.

— Это не ответ.

— Тогда пока не знаю.

Нонна не стала вытягивать больше. Ксюша закрыла экран и поймала себя на желании услышать мнение Дмитрия именно об этой формулировке. Он сразу заметил бы, что компания уже предлагает готовый образ, не узнав при этом самой Ксюши. Но спросить у него означало бы необходимость открыть всё письмо.

В тёмном стекле студийной кабины отразились наушники, простая одежда, лист текста в руке. Ксюша посмотрела на себя и подумала, что не нуждается в чужом «направлении взросления».

Вечером Ксюша добавила к вопросам ещё два: «Кто определяет образ?» и «Можно ли отказаться от конкретной кампании?» Потом создала отдельную строку: «Кто тот человек, которым они предлагают стать?» Ответ получился коротким: «Не знаю его».

Она уже понимала, что не подпишет договор в текущем виде. Но признаться Дмитрию всё ещё было трудно, потому что разговор касался не только опасных пунктов. Придётся сказать и о том, что первые минуты письмо принесло ей радость; что отдельное предложение подтвердило существование голоса вне их совместной работы; что часть её не хотела отдавать это чувство на обсуждение.

Глубже всего она скрывала радость.

Она снова решила рассказать после ужина. Но когда тарелки были убраны, Нонна начала спор о датах, и Ксюша позволила этому разговору занять весь вечер. Потом легла спать, понимая, что удобного момента для признания всё равно не будет.

Глава 6. Молчание

Первую неделю письмо было её волнующей душой тайной.

Утром в пятницу она ответила отправителю односложно, но вежливо: поблагодарила и сообщила, что всё ещё изучает условия. Ответ пришёл почти сразу — ей снова предложили созвониться в любое удобное для неё время. В письме было вложение с предположительным графиком записи и концептами визуального образа артистки.

На фотографиях была запечатлена девушка с похожим ростом, комплекцией и цветом волос. Она стояла в пустом зале и смотрела в объектив. Фотограф явно старался сделать одиночество частью её образа. Ксюша легко могла представить на её месте себя. Но признать, что чужая команда придумала «этот образ» даже до первого разговора с ней, оказалось труднее.

Ксюша открывала письмо вечерами, когда Дмитрий работал в кабинете, перечитывала пункты, представляла обложку альбома, своё имя без приставки «и», без скобок, без слова «совместно». Воображение подсовывало ей афиши и интервью, где впервые никто не спрашивал бы: «А как вы познакомились с Дмитрием Русовым?» — только: «Расскажите о своей музыке».

Ей нравилось это воображать. Слишком нравилось, чтобы признаться в этом даже себе без некоторого стыда.

Днём она разбирала вокальные партии, отвечала на сообщения, помогала Нонне сверять адреса залов. Письмо оставалось рядом даже с погашенным экраном. Оно создавало маленькое личное пространство, куда пока никто не входил. Порой это ощущалось свободой, а порой любая обычная беседа из-за него становилась чуть более сложной и чуть менее честной.

В воскресенье Дмитрий предложил послушать новую гармонию. Ксюша села рядом в кабинете, надела второй комплект наушников и первые минуты действительно слышала только музыку. Потом подумала: если контракт будет подписан, придётся ли согласовывать даже такие домашние черновики? Можно ли будет записать строку для его песни без разрешения компании? В договоре не было ясного ответа.

— Тебе не нравится? — спросил Дмитрий.

— Нравится. Я задумалась.

— О чём?

— О втором куплете.

Так она впервые соврала ему о письме, хотя формально сказала правду.

Вторая неделя началась с вопроса, который она сама себе не хотела задавать: а что, если он будет против?

Она стала внимательнее следить за его реакциями на чужие предложения. Когда Марина переслала приглашение на небольшой совместный эфир, Дмитрий спокойно сказал, что Ксюша может принять его одна, если формат ей интересен. Когда Нонна предложила перенести репетицию ради просмотра зала, он первым заметил, что решение должно зависеть от Ксюшиного графика. Поведение Дмитрия раз за разом опровергало её опасения, но Ксюша всё равно продолжала ждать от него болезненной реакции.

Запрета она не боялась: Дмитрий никогда ей ничего не запрещал. Боялась другого. Его имя стояло рядом с её именем в релизных карточках и на редких афишах, весь их совместный путь. Что, если договор, убирающий его «имя» в примечание, заденет сильнее, чем он позволит себе показать?

Она прокручивала разговор в голове десятки раз, каждый раз меняя его реакцию: то он спокойно кивал и говорил «это твоё решение», то на секунду прежде, чем кивнуть, у него что-то менялось в лице — то самое, едва уловимое, что она научилась замечать за годы рядом с ним.

Ни один из вариантов не давал ей покоя.

Во вторник она открыла черновик сообщения Дмитрию: «Мне нужно показать тебе один договор». Прочла, удалила слово «нужно», затем вернула. Сообщение человеку в соседней комнате выглядело нелепо. Она отложила телефон и пошла к двери кабинета.

Изнутри звучала музыка. Дмитрий записывал на диктофон мелодию, тихо повторяя один оборот. Ксюша постояла у двери и решила не мешать. Через час он сам вышел и спросил, не хочет ли она прогуляться. Они прошли два квартала, купили хлеб и вернулись домой. Она так ничего и не сказала.

Позже Ксюша призналась себе: она берегла не его рабочую минуту, а ещё один день молчания.

Однажды вечером, лёжа без сна, она впервые прямо спросила себя: а что, если из-за этого мы расстанемся?

Сначала мысль показалась нелепой: никаких причин для расставания не было. Но чем дольше Ксюша молчала, тем легче придумывала возможные ссоры и ответы Дмитрия.

К середине второй недели в ней начал звучать другой голос — тише, но упрямее.

Кто сказал, что она обязана отчитываться? Она взрослая, сама зарабатывает и отвечает за собственный голос — во всех смыслах. Дмитрий не вправе ограничивать её выбор. Но для ограничения ему даже не нужно ничего говорить, если она сама смотрит на его возможную реакцию раньше, чем на собственное желание.

За слово «отчитываться» было удобно держаться: рядом с ним молчание выглядело защитой свободы. Но договор затрагивал общие записи. Рассказать о нём — ещё не значит попросить разрешения. Ксюша почти доходила до этой мысли и каждый раз сворачивала к более удобному спору о независимости.

Эта мысль на пару дней принесла ей странное, колющее облегчение.

Она даже ответила отправителю ещё раз, согласившись рассмотреть дату встречи. Никаких обязательств это не создавало, но после отправки ладони вспотели так, будто подпись уже стояла. Вечером Дмитрий заметил, что она почти не ест.

— Тебе плохо?

— Нет. Просто не голодна.

Он убрал свою руку от хлебницы и внимательно посмотрел на неё.

— Если что-то случилось, я рядом.

— Знаю.

— Хорошо.

Он не спросил снова. Его терпение раздражало: защищаться было не от чего.

Оставшись одна, она несколько раз вывела подпись на черновом листе. Представила, как объявит о договоре уже после подписания, как о свершившемся факте. Каждый раз Ксюша останавливалась, не сумев придумать, что скажет Дмитрию дальше.

К концу второй недели в доме стало особенно тихо.

Нонна однажды застала её на кухне с открытым договором. Ксюша успела заблокировать экран, но сестра заметила движение.

— Секреты? — спросила она, наливая чай.

— Рабочее.

— От меня можешь прятать. От Димы не надо.

Ксюша резко подняла голову.

— Почему ты решила, что я от него прячу?

— Я ничего не решила. Но ты почему-то слышала именно так.

Нонна взяла чашку и ушла, не задав ни одного вопроса. Ксюша осталась перед потемневшим экраном. Ей было бы легче, если бы Нонна начала давить: тогда можно было бы возмутиться и снова ничего не делать, продолжая отстаивать своё право на «самостоятельность». Но сестра Димы лишь озвучила то, что Ксюша и сама знала с самого начала.

На несколько дней Ксюша перестала прокручивать разговоры заранее, но ничего не сделала: не отказалась от договора, не предложила изменить условия и не рассказала Дмитрию.

На третьей неделе скрывать перемену стало невозможно.

Дмитрий не следил за каждым движением Ксюши, но теперь видел: за ужином она выпадала из разговора, перед сном держала телефон экраном к себе и слишком быстро меняла тему, стоило заговорить о работе вне студии.

Он ничего не спрашивал.

К началу третьей недели он перестал рассказывать ей каждую рабочую мелочь. Не из мести: Дмитрий видел, что она слушает вполуха, и не хотел говорить в пустоту. Ксюша заметила перемену через несколько дней, когда поняла, что не знает, чем закончился спор о мастеринге.

— Ты не рассказал, что они решили, — сказала она.

— Рассказал в понедельник.

— Правда?

— Ты сказала: «Это хорошо».

Ей стало стыдно. Один несостоявшийся разговор уже вытеснял другие, вполне живые.

Дмитрий хотел знать, что происходит. Но за всё время вместе понял: если начать спрашивать, она закроется ещё сильнее. Решать за неё, когда она должна заговорить, он не хотел.

Поэтому Дмитрий вёл себя как обычно и ждал.

По вечерам Дмитрий проверял масло до того, как они зажигали лампаду, закрывал перед сном окно, оставлял воду у кровати. Он не холодел и не становился нарочито внимательным. Ксюша видела это, но всё равно боялась разговора.

Однажды ночью он проснулся от света. Ксюша лежала спиной к нему, телефон освещал край подушки. Услышав движение, она сразу погасила экран.

— Не спится? — спросил Дмитрий.

— Уже сплю.

— Убедительно.

Она повернулась, но телефон оставила под ладонью.

— Завтра ранняя запись. Спи.

Вопрос стоял на языке: «Что ты от меня прячешь?» Дмитрий почти произнёс его. Представлял, как она замкнётся ещё сильнее, и выбрал другой.

— Тебе принести воды?

— Не надо. Спасибо.

Он лёг на спину. В темноте слышалось, как Ксюша дышит слишком ровно, стараясь первой изобразить сон. Минут через десять её рука нашла его предплечье. Дмитрий накрыл ладонь своей, но разговора не начал.

Утром он долго стоял под душем и злился. На неё — за очевидную тайну. На себя — за то, что под видом уважения тоже избегал неприятного разговора.

За завтраком она спросила, почему он хмурится.

— Плохо спал.

Ответ был правдой, но не всей. Дмитрий услышал это сразу: теперь недоговаривал и он.

Перед записью он начинать разговор не стал. Решил дождаться конца недели, а потом прямо назвать то, что видит, и выслушать ответ. Оставалось два дня.

Ему хотелось, чтобы Ксюша заговорила раньше.

Он понимал: если они не заговорят, молчание проявится в поступках. Хотелось дождаться слов раньше.

К концу третьей недели Ксюша уже понимала, что происходит. Боясь показаться несамостоятельной, она всё дальше отодвигала Дмитрия от решения, которое затрагивало их обоих.

В последний вечер третьей недели пришло новое письмо. Отправитель предлагал встретиться в четверг и просил подтвердить время до полудня следующего дня. Ксюша посмотрела на дату, затем на закрытую дверь кабинета.

Она могла сама согласиться на встречу или отказаться. Но за три недели молчания никуда не исчезли пункты о песнях Дмитрия и совместных записях.

Ксюша открыла заметку «Вопросы». Под первыми тремя строками добавила четвёртую: «Я хочу альбом или хочу доказать, что могу творить одна?»

Ответ пришёл не сразу. Она хотела работать, слышать собственный голос за пределами общего проекта, отвечать за отдельную песню. Но уходить не хотела. И не собиралась ради контракта отдавать их совместные записи под чужой контроль.

Она закрыла письмо без ответа, встала и пошла в кабинет.

Теперь Ксюша знала, что хочет сказать.

Перед дверью кабинета Ксюша остановилась. Изнутри не было музыки, только редкий стук клавиш. Она подняла руку, собираясь постучать, но так и не коснулась двери.

Дмитрий сам открыл через несколько секунд.

— Ты стоишь там давно?

— Минуту.

— Заходи.

Ксюша не вошла сразу. За дверью было привычное домашнее пространство: лампа над столом, монитор с остановленной дорожкой, его кружка возле клавиатуры. Дмитрий сел обратно в кресло и принялся ждать, пока она начнёт.

Чтобы занять руки, Дмитрий нажал на сохранение, развернул кресло и устремил взгляд прямо на Ксюшу, готовый её выслушать.

— Я всё это время думала, что сначала сама должна выбрать, — сказала Ксюша. — И только потом озвучить тебе готовое решение.

— Почему?

— Чтобы оно точно было моим. Чтобы ты не повлиял.

— А теперь?

— Теперь понимаю, что молчание тоже повлияло. На нас обоих. Просто без твоего согласия.

Он провёл ладонью по подлокотнику, сдерживая первый порыв резко ответить.

— Я видел, что тебя что-то отвлекает, уводит от меня или нашего проекта. Но не знал, имею ли право спрашивать.

— Имел, — сказала она честно, но, помолчав секунду, добавила: — Я могла не ответить.

— Это легко понять сейчас.

— Мне тоже.

За окном проехала машина, свет фар скользнул по потолку и исчез. Ксюша услышала собственное дыхание, неровное, тревожное. Сжав кулаки, выдохнула. Следующую фразу она больше не репетировала.

— Если я ещё раз скажу «это моё дело», напомни мне спросить: последствия тоже только мои?

— Напомню. Но не буду использовать для давления и злоупотребления.

— Я знаю.

Дмитрий не давал ей оснований ждать запрета, наказания или унижения. Ксюша боялась другого: разом потерять его, их общий мир и ту самостоятельность, которую обрела рядом с ним. Пытаясь защитить себя, она едва не отгородилась от самого близкого человека.

— Подожди. Мне нужно сначала сказать одну вещь, иначе я снова начну с оправданий.

Он не вышел и не потянул её внутрь. Только пожал плечами.

— Говори, как получится.

Ксюша вдохнула. Три недели она мысленно повторяла фразу «мне предложили контракт», но вместо того, чтобы выпорхнуть радостной птицей, она обросла камнями и тяжёлыми цепями, тянущими вниз.

— Я тебе не сказала кое-что важное, — произнесла она.

И впервые за три недели свободно выдохнула.

Дмитрий не спросил сразу, что именно она скрыла. Выключил колонки, закрыл рабочий файл и отодвинул телефон. На столе освободилось место.

— Это про нас? — спросил он.

— И про меня. И про работу. И во многом я сама всё смешала.

— Тогда не начинай с оправдания. Начни с начала.

Ксюша вошла, но села не рядом, а напротив. Между ними остался стол, на который можно было бы положить договор. Она достала телефон, но ещё не открыла письмо.

— Я боюсь, что ты услышишь три недели, а не предложение.

— Я услышу и то и другое.

— И будешь прав злиться.

— Возможно. Но моя злость не отменит твоё право хотеть отдельную работу.

Дмитрий мог злиться из-за молчания и при этом не осуждать её желание работать отдельно. Ксюша наконец слышала разницу.

Она открыла письмо и положила телефон экраном вверх. Теперь документ существовал в общем пространстве, но решение ещё не перестало принадлежать ей.

Глава 7. Признание

Ксюша сидела, вглядываясь в лицо Димы, не решаясь начать говорить о главном. Дмитрий переводил взгляд с неё на телефон и обратно, но в руки не брал. Ждал её объяснений раньше, чем придумает всё за неё.

— Я тебе врала. Не прямо, не словами. Но врала.

Лицо у него не изменилось. Только плечи чуть напряглись — значит, он всё-таки ждал чего-то подобного, замечал. Ксюше снова стало стыдно за ложь.

— Слушаю, — сказал Дмитрий и подался телом чуть вперёд.

— Три недели назад мне пришло письмо. Предложение контракта. Сольного. Альбом под моим именем.

Она увидела, как он моргнул чуть медленнее обычного — единственный признак того, что новость всё-таки была новостью. Подтверждение, что он не рылся в её вещах, не пытался придумать объяснение её поведению за неё саму, и что Нонна вовсе не собиралась облегчать ей задачу.

— И ты молчала три недели.

Это прозвучало не вопросом. Он назвал точный срок — три недели. Её ответ «я собиралась сказать» прозвучал бы фальшиво. Поэтому она просто кивнула.

— Да.

— Почему?

Он спросил ровно, и от этого оправдываться стало труднее.

Ксюша посмотрела в пол, пальцы на коленях нервно сжимались. Но отвечать вместо неё не собирались.

— Сначала потому что было приятно. Мне льстило, что меня видят как артистку. Меня саму. Не «проект Nexx», не два неразлучных имени на афише, не «твою девушку», а меня. Только меня.

— Это нормально.

Дмитрий продолжал оставаться спокойным и благоразумным, позволяя Ксюше продолжать без перерыва на дополнительные упрёки.

— Потом я испугалась. Что тебе будет больно. Что я заберу что-то, что принадлежит нам обоим, и превращу в своё.

— И что дальше?

Ксюша замолчала. Предстояла самая неприглядная часть.

— А потом я испугалась другого. Что если я тебе расскажу — ты как-то повлияешь на моё решение, возможно, даже не желая этого. Одним взглядом, одной неискренней улыбкой. И тогда я не пойму, чего хочу я сама, а чего ты. И где будет грань между моими желаниями и страхом влюблённой женщины — сделать тебе больно.

Дмитрий провёл большим пальцем по дужке очков и помолчал.

— Поэтому ты решила разобраться сама. Втайне.

— Да. Почти согласилась на вариант, где тебя нет вообще. Ни в правах, ни в списке участников. Только благодарность где-то внизу мелким шрифтом.

— Почти — что это значит?

Ком встал в гортани Ксюши, но нужно было продолжать говорить.

— Я ответила, что изучаю условия. Согласилась обсудить встречу, но время ещё не подтвердила. Ничего не подписывала и согласия на использование песен не давала.

— Хорошо, что ты говоришь это точно.

— Я должна была сказать раньше.

— Да.

Дмитрий не стал утешать её и делать вид, что три недели молчания ничего не значат. Он не взял её за руку, не обнял, ничего не сказал, просто смотрел и молчал.

Ксюша опустила глаза. Она ждала продолжения, но и сама не знала какого.

Дмитрий молчал дольше, чем ей хотелось бы. Но теперь её очередь была ждать и не торопить.

— Но не согласилась.

— Не согласилась. За последние несколько дней я поняла, что путаю две вещи: быть собой и быть отдельно от тебя.

— И для этого понадобилось три недели молчания.

— Да. Прости.

Он протянул руку. Сначала едва коснулся её пальцев, потом накрыл ладонь своей.

— Мне жаль, что тебе было так страшно сказать. Три недели с этим одной — тяжело.

— Я боялась не тебя, — сказала Ксюша. — Точнее, не того, что ты сделаешь. Я заранее решила: скажешь «выбирай сама» — значит, тебе всё равно. Предложишь помощь — значит, хочешь мной управлять. При любом ответе ты получался виноватым. Очень удобная схема, если не хочешь признаться, что сама растерялась.

Дмитрий опустил взгляд на их руки.

— Спасибо, что сказала это сейчас.

— Звучит ужасно.

— Зато честно.

Он отодвинул клавиатуру, освобождая место на столе.

— Тогда и я скажу честно. Сольный альбом меня не пугает. Хочешь записываться одна — записывайся, в твоей жизни должно быть место и для этого. Но договор касается песен, которые написал я, а я о нём ничего не знал и не мог защитить свои права.

— Я понимаю.

— И ещё. Я не стремлюсь проверять каждый твой шаг или контролировать. Мне это не нужно. Твоя жизнь, твой голос, твоя карьера так же важны, как и моя. Но, если тебе предстоит обдумать вопрос или дело, которое задевает нас обоих, или нашу общую работу, я имею право знать о нём и твоих размышлениях до того, как решение станет почти принятым.

Ксюша кивнула. Теперь было предельно ясно, что о сольной карьере она принимала решения сама. Но распоряжаться их общими трудами, песнями, которые для неё написал Дмитрий, она не могла.

— Ты не злишься?

— Немного, — честно сказал он. — Не за контракт. За три недели, где ты решала это одна, хотя я был в соседней комнате.

Ксюша кивнула, принимая это как справедливую карму.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь расскажи мне все условия. И хорошие, и те, о которых неудобно говорить.

— Я сначала расскажу, как поняла их сама. Потом прочитаем, и ты скажешь, где я ошиблась.

— Договорились.

Она пересказала письмо по памяти: альбом, команда, график, права на образ, личные консультации. Дмитрий несколько раз открывал рот, но не перебивал. Пока Ксюша проговаривала условия вслух, красивые формулировки теряли блеск. «Самостоятельный образ» не объяснял, кто и что будет решать за неё. «Полное сопровождение» могло означать почти всё. Когда она читала одна, имя на обложке заслоняло эти пустоты.

Она достала телефон с письмом, которое три недели пролежало непрочитанным никем, кроме неё самой, и подвинулась ближе, чтобы он тоже видел экран.

— С чего хочешь начать?

— С пункта про авторство.

— Он останется за тобой. На этом я настою сама, ещё до того, как ты успеешь спросить.

— Не только за мной, если в конкретной песне есть твой вклад. Мы не будем отвечать на плохой договор другой неточностью.

— Хорошо. Тогда разберём каждую запись отдельно.

Дмитрий посмотрел на неё и чуть кивнул.

— Хорошо. А остальное?

Ксюша пролистала письмо к следующему пункту.

— Права на архивные записи. Совместные с тобой композиции при переиздании автоматически становятся сольным материалом. Твоё имя — только в благодарностях.

— Этот пункт меняем полностью.

— Знаю. И уже решила, чего хочу вместо него. В наших песнях должны остаться мы оба. Я умею работать одна, Дим. Но стирать тебя, чтобы это доказать, не стану.

— Звучит как и моё желание тоже.

Он увеличил документ на экране и передал ей мышь.

— Отмечай сама. Я буду рядом и скажу, что вижу, но письмо с правками должно уйти с твоего ящика и от твоего имени.

— Почему это важно?

— Потому что предложение пришло тебе. Если уже первое письмо напишу я, на встрече они будут смотреть на тебя снисходительно и общаться со мной вместо тебя, даже если ты будешь в комнате.

Ксюша выделила первый абзац. Дмитрий остался рядом, но инициативу не перехватывал, впрочем, как и компьютерную мышь. Напряжение в её плечах понемногу таяло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.